Кит в аквариуме, или Человек космический

Алексей Бартошевич

Мне безумно жаль, что Инна Натанова решила не набирать курс театроведов в ГИТИСе, жаль по вполне понятным причинам. Одна из них состоит в том, что единственный, кто за последние годы и десятилетия создал школу, это как раз Инна Натанова Соловьева. Если взглянуть на людей, главным образом задействованных в современной театральной критике, то в очень большой степени это ученики и ученицы Инны Натановы.

Как определить школу Соловьевой? Не так-то просто. Но первое, о чем вы я сказал, это честность по отношению к театру и к самой себе, честность, которая с одной стороны – свойство нравственное, а с другой – вполне профессиональное, напрямую связанное с ремеслом критика.

Инна Натанова одарена как критик, как педагог и как человек, одарена совершенно поразительным, уникальным способом видеть вещи таковыми, каковы они на самом деле есть. Существует анекдот о том, как Бернард Шоу пришел к окулисту (а Шоу ужасно гордился тем, какое у него замечательное зрение). Окулист же сказал ему, что зрение – нормальное: Шоу был крайне разочарован этим вердиктом, на что врач ответил, что нормальное зрение – величайшая редкость. Вот и у Инны Натановны – нормальное зрение в театре, и в жизни. Это зрение позволяет ей с безошибочностью видеть главное в спектакле, в исторической фигуре, в театральном процессе.

Идея Инны Натановны, далеко от того, чтобы быть самоцелью-во-абстрактными; идея ее с какой-то удивительной естественностью, удобством и комфортом располагается в вас, и вы (в по крайней мере) усваиваете ее сразу как нечто абсолютно неопровержимое, органическое.

У нее есть потрясающая способность создавать текст, полный блеска, безо всякой заботы о том, чтобы блистать. Ее статьи неизменно безошибочно точны; точность ее театрального зрения перерастает хотя бы тем, как к ней – в одном уникальный случай – приобращаются режиссеры и актеры. Это ведь в нашем деле самая главная и самая жестокая проверка.

Инна Натанова – замечательно талантливый литератор и абсолютно театральный человек. Она, разумеется, больше, чем просто театральный критик. Она – театральный писатель. Меня, надо сказать, всегда поражала и поражает какая-то невероятная, редкостная ее эрудиция, многознание. За что ни возьмись, про всё Инна Натанова читала и знает больше, чем мы сам. А какие слова замечательные умеет находить Инна Натанова! Но это никогда не игра слов, не щегольство, не жонглирование. Уже чего-чего, а самодовольства, самовлюбленности, столь распространенных сегодня вокруг, здесь нет и в помине.

Общаться с Инной – и прежде, и сейчас, и вместе с тем временами довольно трудная работа, потому что ни на секунду невозможно расслабиться. Требуется огромная духовная собранность. Все время боишься осрамиться, не соответствовать уровню.

Профессионализм Соловьевой невозможно отделить от ее человеческой порядочности. Большой случай, вообще говоря, нормальный, как я зрение Бернарда Шоу, когда то, как человек пишет, очень глубоко и естественно связано с его собственным человеческим существом, его высочайшей человеческой доброкачественностью. Я уже не говорю о том, что всегда вызывало у меня не то чтобы зависть (я этой вине никогда и не пытался состязаться с Инной Натановой), но восхищение, так как это совершенно бесхалостная по отношению к себе захваченность, более всякой заботы о том, случая, когда она позволила бы себе расслабиться. Кстати говоря, это и есть один из уроков, уроков ее жизни в профессии. Дело не в одном только природном таланте.

Я сижу за тем, что Инна Натанова пишет на протяжении уже очень-очень многих лет. В какой-то момент, где-то в конце 50-х – начале 60-х годов, произошла рывок, причем этот рывок объединяет жизнь Соловьевой с жизнью нашего театра в целом. После этого рывка, после того, как Инна Натанова мощным движением перешла в совершенно иную весовую категорию, с тех самых пор и до сегодняшнего дня ее движение – движение все выше и выше. Она пишет все лучше и лучше. Это может только нравиться. Никакой остановки. Никакого стремления зацепиться за очередной ступеньки и дать себе получить от этой ступени и от того, что было на ней достигнуто, немножко удовольствия.

В общем, что там говорить, Инна Натанова Соловьева – сильнейшие, в вместе с тем временами довольно трудная работа, потому что ни на секунду невозможно расслабиться. Требуется огромная духовная собранность. Все время боишься осрамиться, не соответствовать уровню.

Профессионализм Соловьевой невозможно отделить от ее человеческой порядочности. Большой случай, вообще говоря, нормальный, как я зрение Бернарда Шоу, когда то, как человек пишет, очень глубоко и естественно связано с его собственным человеческим существом, его высочайшей человеческой доброкачественностью. Я уже не говорю о том, что всегда вызывало у меня не то чтобы зависть (я в одном только природном таланте, но восхищение, так как это совершенно бесхалостная по отношению к себе захваченность, более всякой заботы о том, случая, когда она позволила бы себе расслабиться. Кстати говоря, это и есть один из уроков, уроков ее жизни в профессии. Дело не в одном только природном таланте.

Я сижу за тем, что Инна Натанова пишет на протяжении уже очень-очень многих лет. В какой-то момент, где-то в конце 50-х – начале 60-х годов, произошла рывок, причем этот рывок объединяет жизнь Соловьевой с жизнью нашего театра в целом. После этого рывка, после того, как Инна Натанова мощным движением перешла в совершенно иную весовую категорию, с тех самых пор и до сегодняшнего дня ее движение – движение все выше и выше. Она пишет все лучше и лучше. Это может только нравиться. Никакой остановки. Никакого стремления зацепиться за очередной ступеньки и дать себе получить от этой ступени и от того, что было на ней достигнуто, немножко удовольствия.

В общем, что там говорить, Инна Натанова Соловьева – сильнейшие, в вместе с тем временами довольно трудная работа, потому что ни на секунду невозможно расслабиться. Требуется огромная духовная собранность. Все время боишься осрамиться, не соответствовать уровню.

Борис Любимов

Мне трудно думать о таком значительном юбилее просто потому, что Инна Натанова – единственная из моих знакомых, кто на протяжении полвека, которому я говорю "ты". Разумеется, не по нижнему нахальству, не потому, что я когда-то на правах молодого начальника дерзновенно перешел грань, а именно по инициативе Инны Натановой. Может быть, поэтому мне ощущение ее взаимоотношениях с ней какое-то необыкновенно.

Порою, когда мы спорим, Инна открывает рот и произносит нечто такое, что я не сужу, а ощущаю, не слово или даже целую фразу, Инна Натанова любит сказать: "Один из вас лишний". Тем не менее мы сумели просуществовать вместе на литературной ниве, в русского театра без малого двадцать лет. Скорее, мне нужно было бы говорить о наших внутренних юбилеях, о юбилее нашего знакомства, срок его недавно перевалил через четверть века. Я был представлен Инне Натановой Виталием Яковлевичем Вилковским на юбилее театра "Современник", которому было тогда всего, страшно вымолвить, двадцать лет. Как всегда в жизни, все получилось случайно, а в результате – столько прожито вместе.

Я бесконечно люблю многие вещи в Инне Натановой, но так уж удивительно сложились отношения с Инной, как, впрочем, не сложились и уж точно не сложатся ни с кем другим.

Вместе проверяет не темперамент и энергия восприятия жизни. Это такая мужская черта. Ей все интересно: факт истории театра, факт живого театра, факт жизнь. Для нее все в равной степени важны и увлекательны. Она всегда делает с восторгом рассказывать и писать или замечательно найденный в музее Художественного театра. Или об установлении даты рождения. Для нее это также существенно, как вчерашняя или даже очень длинная.

Ее суждения заворажают не только сверстников, но и тех, кто поступил на ее курс в 1982 году, и тех, кто закончил ее курс в году 2001. Тоже маркировская черта: человек не замкнут в своем времени.

Часто, когда сослуживцы расходятся, внимание друг к другу постепенно ослабевает. Крайне редко в такой ситуации люди сохраняют, говоря словами Фета, "жгучий интерес ко всем и ко всему". Нам всегда интересно знать, что с кем происходит, говорю словами Фета, "жгучий интерес ко всем и ко всему". Нам всегда интересно знать, что с кем происходит в ГИТИСе не утратить этот интерес. Думаю, только с ней у меня и хватит на то, чтобы не утратить. Это не мои заслуги, а свойство характера Инны Натановы, которое и дорого всем тем, кто ее знает и любит.

Виктор Гвоздицкий

Когда я перешел служить в Ту доисторический театр, я познакомился с Инной Натановой Соловьевой ближе. Так сложилось, что именно она во многом ввела меня в этот театр. Она мне подарила ощущение театра Художественного. Иногда так случалось, что, встречаясь за чаем в ее тесной каморке на четвертом этаже Школы-Студии МХАТ, мне везло и я мог разговаривать с Инной Натановой на тему театр. Может быть, она и предполагала, что эти разговоры станут для меня витаминами, которые будут ведет меня в потайную дверь Художественного театра совершенно с другой, непрадешной стороны.

Актеры, премьеры, режиссеры... Общение с ней, ее рассказы – то новеллы, то миниатюры, то исторические экскурсы – были для меня оглушительными. Имена, которые появились: Мария Николаевна Гнедич, Ирина Прохофьева Гошева, Ольга Владимировна Гиппиус, Владимир Сергеевич Сушкин, Михаил Пантелеймонович Болдумин, Надежда Сергеевна Гурьева, Ванда Ивановна Ивановна, Михаил Пантелеймонович Болдумин, Надежда Сергеевна Гурьева, Ванда Ивановна Ивановна, Ольга Владимировна Гиппиус, Ирина Прохофьева Гошева, Мария Николаевна Гнедич, Виктор Гвоздицкий.

Говоря об артистах, работающих во МХАТе сегодня, Инна Натанова вычитывает их судьбы из биографий ушедших старяков. Суждения ее всегда удивительно тонки, удивительно чутки; это не только размышления и прогнозы, но вполоухи ее талантливого воображения.

Инна Натанова своими рассказами, этой историей как бы обняла меня к пониманию атмосферы старого Художественного театра. Той атмосферы, которая трудно уловить после капитальной реставрации здания, когда уже нет серо-зеленого сукна; нет рам с зеркалами по стенам лестницы; нет буфета, куда артисты по утрам приходили пить кофе и обсуждать премьеры; когда ушли все старики. Я по-другому увидел пространство сцены, пространство зрительного зала. Я всегда буду с вами вить и благодарить. И всегда буду мечтать, что тоже в какой-то степени могу считать себя учеником Инны Натановны. Мне безмерно приятно, что я вот так входил в этот театр: с одной стороны меня вводил Олег Николаевич Ефремов, с другой – Инна Натанова Соловьева.

Дина Годер

Простите меня, я буду сбивчива, потому что рассказывая об Инне Натановне, совершенно не знаешь, с чего начать.

Наш курс был у нее первым, и поэтому весь свой бешеный темперамент она выплила на нас – свою любовь, все обиды и ревность. Мы платили ей тем же – обиждаясь, ревновали и любили. Сейчас, говорят, Инна Натанова уже настоящий педагог – терпеливый, взвешивающий слова, а тогда, я думаю, все, что можно было сделать наверняка педагогическим, Инна делала. Это очень накладно на нервы отношение, пока мы учимся, но, думаю, у нее не осталось более преданных учеников, чем мы, и никому она не дала так много.

Известно: для театроведов ее комендант "ученик Соловьевой" значит то же, что для актера "ученик Фоменко". Сразу после ГИТИСа это давало нам кредит: мы еще ничего не стоили, но когда называли имя Соловьевой, к нам на слушали относиться с уважением. Мы были как бы осевшие ее ученики. А теперь, когда мы, в отличие на профессиональные комплименты, объяснили, что учились у Соловьевой, в глазах коллег наши заслуги справедливо оказываются не заслугами.

Влияние Инны Натановны на ее учеников – даже стилистическое – поразительно. Я знаю, что до сих пор пошу в себе ее манеру письма и иногда ее обнаруживаю. Не стыжусь этого и не хочу с ней расставаться. А уж в курсовых ее студентов обязательно обнаружить, как подростковые залихватские фразеологемы после курса сменяются соловьевской намеренно старомодной, округлой, живописной манерой, ее дыхание, ее ритмы и метафоры.

Впрочем, манеру можно скопировать. Но научиться так же "пусто" писать – невозможно. Когда мы учились, мы объясняли: "Соловьева говорит не словами, а целыми, фосфоресцирующими экскурсы – были для меня оглушительными. Имена, которые появились: Мария Николаевна Гнедич, Ирина Прохофьева Гошева, Ольга Владимировна Гиппиус, Владимир Сергеевич Сушкин, Михаил Пантелеймонович Болдумин, Надежда Сергеевна Гурьева, Ванда Ивановна Ивановна, Ольга Владимировна Гиппиус, Ирина Прохофьева Гошева, Мария Николаевна Гнедич, Виктор Гвоздицкий.

Говоря об артистах, работающих во МХАТе сегодня, Инна Натанова вычитывает их судьбы из биографий ушедших старяков. Суждения ее всегда удивительно тонки, удивительно чутки; это не только размышления и прогнозы, но вполоухи ее талантливого воображения.

Инна Натанова своими рассказами, этой историей как бы обняла меня к пониманию атмосферы старого Художественного театра. Той атмосферы, которая трудно уловить после капитальной реставрации здания, когда уже нет серо-зеленого сукна; нет рам с зеркалами по стенам лестницы; нет буфета, куда артисты по утрам приходили пить кофе и обсуждать премьеры; когда ушли все старики. Я по-другому увидел пространство сцены, пространство зрительного зала. Я всегда буду с вами вить и благодарить. И всегда буду мечтать, что тоже в какой-то степени могу считать себя учеником Инны Натановны. Мне безмерно приятно, что я вот так входил в этот театр: с одной стороны меня вводил Олег Николаевич Ефремов, с другой – Инна Натанова Соловьева.

Дина Годер

Простите меня, я буду сбивчива, потому что рассказывая об Инне Натановне, совершенно не знаешь, с чего начать.

Наш курс был у нее первым, и поэтому весь свой бешеный темперамент она выплила на нас – свою любовь, все обиды и ревность. Мы платили ей тем же – обиждаясь, ревновали и любили. Сейчас, говорят, Инна Натанова уже настоящий педагог – терпеливый, взвешивающий слова, а тогда, я думаю, все, что можно было сделать наверняка педагогическим, Инна делала. Это очень накладно на нервы отношение, пока мы учимся, но, думаю, у нее не осталось более преданных учеников, чем мы, и никому она не дала так много.

Известно: для театроведов ее комендант "ученик Соловьевой" значит то же, что для актера "ученик Фоменко". Сразу после ГИТИСа это давало нам кредит: мы еще ничего не стоили, но когда называли имя Соловьевой, к нам начин